

0971

№ 5

СѢВЕРНЫЙ

1914 г.

УСЛАЯРЪ.

Еженедѣльный журналъ
учащейся молодежи
въ пользу семей
павшихъ въ бою
воиновъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр.
Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Кон-
тора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч.
веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч.
Тел. 530-66.

Цѣна 10 коп.

САПОГИ
РЕЙТУЗЫ

ВСЕ

ШАРФЫ
НАУШНИКИ

ДЛЯ ПОХОДА

КАВКАЗСКІЯ БУРКИ.

Кож. пиджакн на мѣху и на ватѣ. Шер. пиджакн на мѣху и на ватѣ.
Кож. шлемы на мѣху и шерстян. Кож. перчаткн на мѣху и шерстян.

МѢХОВЫЕ ПЛЕДЫ.

ПАПАХИ.

Бельгійско - Голландскій Магазинъ

Героховая, 15. Петроградъ.

ЭСДЕРСЪ и СХЕФАЛЬСЪ

Открыть отъ 8½ до 7½ час.

А. ГАНГЕЛИНА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНІЯ ЧАЙКОВСКАГО

(въ стихахъ). 90 книгъ пожертвованны въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ, продаются въ конторѣ журнала „Сѣверный Гуслиарь“ **Цѣна 50 коп.**

Н. В. СЕВАСТЬЯНОВА.

PRIMA CARMINA

(тридцать пять стихотвореній).

100 книгъ пожертвованны съ той-же цѣлью, продаются тамъ-же.

Цѣна 30 коп.

Съвержый Тусляръ

0271

№ 5

6 Декабря 1914 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Куда идемъ. А.—Вечернее (стих.) В. Солнцевой.—Немножко о партіяхъ и безпартійности. О невѣжествѣ и знаніи, Римусъ—Странный человекъ, В. Яшина—Невѣдомому богу (стих.), В. Яшина.—Чертво городище, Евг. Козлова.—Полдень (стих.) Татьяны Б.—Въ эти дни, Никол. Росницкаго.—На переломѣ (стих.) Х. Бѣлозерова.—Пѣсня, Г. Сохоцкаго.—Стих., Регина З.—Жизнь высшей школы.—Отчетъ редакціи.—Объ явленія.

Куда идемъ?

(Къ статьѣ „Наше будущее“ „День“).

Почти все молодое поколѣніе воспитывалось на идеяхъ Бѣлинскаго, Герцена, Огарева и др., не рискуемъ обходить молчаніемъ и Хомякова, Аксакова, Киреевскихъ, какъ противоположниковъ первымъ, хотя и дошедшихъ въ нѣкоторыхъ своихъ тезисахъ до невозможнаго, однако давшихъ не мало и цѣннаго и благотворнаго. „Но для продуктивнаго творчества мало одного идеализма. Нужна еще великая мудрость, чтобъ этотъ „паръ“ идеализма не терялся въ пустотѣ“... Мудрости этой намъ и не хватало тогда, не хватаетъ и теперь. Мы слишкомъ идеалисты. Въ насъ мало жизни, — той жизни, которую

мы въ порывѣ жизнелюбія или душили въ своихъ объятіяхъ, забывая о духѣ, или уносились отъ нея душою въ сферу заоблачныхъ исканій и оказалось: и то и другое—гибельно. И на „землѣ“ и въ „облакахъ“ мы были одиноки и несчастны. Это не призывъ къ переселенію на „землю“, не скачекъ назадъ. Намъ не хватаетъ „змѣиной мудрости“. Мы не „умѣли хотѣть“.

Въ статьѣ „Наше будущее“ Антона Крайняго, помѣщенной въ „Днѣ“ отъ 25 ноября, с. г. авторъ послѣдней, говоря вообще о молодежи,—о ея отношеніи къ міру внѣшнему и къ міру внутреннему, между прочимъ коснулся

нашего изданія и его выявляющейся физиономіи. Эта первая статья—серьезнаго критика въ серьезной газетѣ—чрезвычайно любопытна въ томъ отношеніи, что авторъ ея, говоря о насъ, какъ бы боится за свои слова. Онъ остороженъ. Осторожность не вредить, но здѣсь она характерна, даже не какъ симптомъ недовѣрія ко всякому молодому начинанію, а какъ показатель того, что нынче перестали читать „между строкъ“. Чувствуется боязнь за каждую фразу, за каждый положительный жестъ, боязнь автора попасть впросакъ.

— „А ну, какъ академизмъ; а ну, какъ и еще хуже?“ Стоитъ-ли говорить, о томъ что этого и слѣдовало ждать. Даже „взрослые“ студенты не рѣдко отмахиваются, говоря—„Чортъ его знаетъ, что тамъ такое, можетъ и впрямь „Вѣшнія воды“ и „Гусляръ“ одно цѣлое!“ И мы не обижаемся.

Въ той-же статьѣ Антонъ Крайній говоритъ—„кто они,—старшіе или младшіе? Чего они хотятъ? Конечно хорошаго: объединенія всей учащейся молодежи, свободной отъ партійности. Но умѣютъ-ли они хотѣть?“ Само собой понятно, что вопросъ—„умѣемъ-ли мы хотѣть“ весьма интересуетъ, не только автора, цитируемой нами статьи, но и насъ самихъ. И если въ понятіи „умѣть хотѣть“ не кроется ни чего другого,—кромѣ какъ соединяя, воплощать идеальное съ чутьемъ реальности“, проводить его въ жизнь, то мы уже имѣемъ право сказать, что мы въ „началѣ“ этого „умѣть хотѣть“. Ибо мы, выступая на арену дѣйствительности—суровой и беспощадной, готовой каждый мигъ поглотить насъ въ свою бездонную пасть, тѣмъ самымъ выступаемъ противъ этой

дѣйствительности. Споримъ съ ней. А это „начало“ даетъ намъ возможность, идя впередъ, научиться и „умѣть хотѣть“. Провести идеаль въ жизнь. Дать его полную реализацію.

„Можетъ ли быть объединеніе на принципѣ отрицательномъ—какова безпартійность?“ спрашиваетъ Антонъ Крайній. Да, на почвѣ безпартійности объединеніе невозможно, ибо безпартійность, какъ мы ее понимаемъ (очевидно, такъ она понимается и авторомъ цитируемой статьи), это въ лучшемъ случаѣ индеферентизмъ,—полное ко всему равнодушіе. Въ худшемъ—ре-негатство. Не таковъ нашъ „индеферентизмъ“, наша безпартійность, или вѣрнѣе—надпартійность, какъ мы ее называемъ.

На почвѣ нашей надпартійности объединеніе возможно. Скажемъ больше: объединеніе „ищущихъ,“—а вѣдь мы ищущіе—только и возможно на этой почвѣ. Каковы будутъ наши пути въ дальнѣйшемъ, сказать трудно, но теперь мы всѣ исходимъ изъ одного положенія: „Такъ жить нельзя!“ Нужно искать новое. Слѣдовательно, необходимо отрѣшиться отъ старыхъ истинъ, отъ старыхъ вѣрованій. Каковы будутъ наши пути неизвѣстно, но мы вмѣстѣ выйдемъ изъ подъ „старой кровли“. Пока не рухнулъ сводъ и не похоронилъ насъ живыхъ подъ своими развалинами, выйдемъ вмѣстѣ! Мы выйдемъ „въ одну дверь“, „въ одни ворота“ и, хотя быть можетъ, пойдемъ въ разныя стороны искать новую лучшую жизнь, но выйдемъ въ „одну дверь“. И „дверь“ эта—наша надпартійность. Пусть рабы и „приживальщики“ вернуться въ „старый домъ“, „шарить по старымъ чуланамъ“. Мы не остановимъ ихъ. Тамъ

имъ и мѣсто, но мы живые и свободные—мы уйдемъ.

Насъ ждетъ „электробашня“.

— Заря свѣтлаго будущаго.

Насъ ждетъ свѣтлый огонь впереди!

„Вѣрнѣе всего, что группа „Гусляра“ сама еще не знаетъ, кто она, и находится не на башнѣ, а на перекресткѣ—говоритъ Антонъ Крайній и добавляетъ: „Это хорошо, но нельзя жить на перекресткѣ“... Правда, мы почти не знаемъ кто мы, вѣрнѣе не знаемъ, какъ себя назвать, но мы знаемъ кѣмъ—будемъ. Знаемъ куда—идемъ.

Въ данный моментъ, мы не на перекресткѣ, а скорѣе въ „дверяхъ“, а за ними и наша башня.

„Нельзя стоять въ дверяхъ“—скажетъ Антонъ Крайній. Мы и не думаемъ этого дѣлать. Наше объединеніе, отрѣшеніе отъ старыхъ истинъ, это проходъ въ „дверь“. За нею быть можетъ поле сраженія и мы вмѣстѣ пройдемъ завѣтную грань. Свободными и освѣженными выйдемъ мы на просторъ.

Башня наша не есть нѣчто неподвижное, вросшее въ землю... Подъ нашей платформой—„колеса“ и есть „электромоторъ“. Мы идемъ не только впередъ, но и вверхъ. И насъ можно видѣть, не только въ строкахъ но и между строкъ. Правда, мы сдѣлали маленькое отступленіе—вершокъ назадъ, но это лишь для того, чтобы „сдвинуться“.

„Идеаль не допускаетъ компромиссовъ, но реализація его требуетъ постепенности“... Таковъ одинъ изъ путей, избранныхъ нами. Для того, чтобы пройти, нужны жертвы, но жертвы разумныя. Съ каждымъ шагомъ поступательнаго движенія, съ каждой ступенью вверхъ (и, отнюдь, не налегкѣ) передъ нами

ширь и глубь горизонта и эта ширь, эта глубь, будутъ расти по мѣрѣ движенія впередъ и въ высъ. И нѣтъ надобности готовить однѣ лодки, предполагая только плыть. Можетъ быть, станутъ нужны и „винтъ“, и „пропеллеръ“, и еще какой-либо новый невѣдомый аппаратъ. И вотъ теперь только,—когда у насъ имѣется запасъ въ дорогу,—мы зовемъ съ собой—изъ этого міра, міра скорби и слезъ, въ завѣтную страну. Зовемъ обзрѣвать иные горизонты, искать новыя истины, жить иными радостями, инымъ счастьемъ. Можно-ли назвать это страстное исканіе, этотъ пламенный порывъ отъ „цѣпей старой грѣшной земли“,—безпартійностью? Можно ли говорить о невозможности объединенія на этой почвѣ.

Наша общая точка соприкосновенія, наше объединеніе—это проходъ „въ одну дверь“. Мы всѣ поняли, что форма старыхъ „мундировъ“ узка и рвется по швамъ. Но у насъ нѣтъ и ничего новаго.

Первый этапъ на нашемъ пути—это выходъ изъ „стараго зданія“ и на этомъ этапѣ мы дѣлаемъ „приваль“—объединеніе.

Еще разъ повторяемъ—выходъ въ „одну дверь“. На почвѣ нашей надпартійности возможно объединеніе и даже больше: возможно всеобщее единеніе—всеобщій союзъ ищущихъ. Ищущихъ, жаждущихъ, новаго міра, новыхъ переживаній, новыхъ утѣхъ. И только тотъ не съ нами, кто мертвъ давно,—кого не увлекутъ ни грезы о счастья, ни сказки о вѣчной веснѣ.

Въ заключеніе авторъ статьи „Наше будущее“, предостерегаетъ насъ отъ „опытныхъ“. Онъ говоритъ:

„Хотѣлось бы знать, что молодая

группа не выберет проторенных путей (особенно таких заѣзженных как Ново-Вечерне-Кременскій)“.

Изъ всего выше сказаннаго слѣдуетъ, что наши пути не только не общи, но и никогда не пересѣкутся. Мы остав-

ляемъ имъ „старую кровлю“, „затхлые чуланы“. Тамъ имъ и мѣсто. А мы живые и свободные уйдемъ. Насъ ждетъ наша электробашня.

Насъ ждетъ свѣтлый огонь впереди!

А.

Вечернее.

Ты пришелъ ко мнѣ, тревожный и усталый,

Ты искалъ покоя, милый, да?..

Солнце закатилось, такъ отрадно стало...

Георгины, левкой, розы, резеда...

Твои волосы я глажу осторожно

И въ глаза твои далекіе смотрю...

Милый, я люблю... не правда ли мнѣ можно

Такъ любить вечернюю зарю?..

Сказку старую тебѣ я повторяю...

Западъ сталъ лиловымъ, золотымъ...

Можетъ быть вино?.. вѣдь я не знаю,—

Жизнь измѣнчива и призрачна, какъ дымъ...

Можетъ быть, мечтами ты зовешь другую?

Нѣтъ?.. съ тобой одна я... милыя слова...

Дай, твои глаза я нѣжно поцѣлую...

Отъ цвѣтовъ кружится сонно голова...

Георгины, розы, резеда, левкой...

Отчего печальны такъ глаза твои?

О, забудь скорѣе, милый, все дневное!..

Посмотри—въ бокалахъ отблески зари!..

В. Солнцева.

Немножко о партіяхъ и безпартійности.

О невѣжествѣ и знаніи.

„Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir“.

Нѣтъ надобности доказывать вѣрность стараго трюизма, что наша русская молодежь всегда была идеалистично настроена и всегда проявляла немало самоотверженія и самопожертвованія. Это истина, не требующая доказательствъ, какъ не требуетъ доказательствъ и другое положеніе, что въ жини большинства нашей молодежи повторяется старая Адуевская исторія, прекрасно очерченная Гончаровымъ въ его „Обыкновенной исторіи“: въ молодости идеализмъ, а какъ кончилъ ученье и поступилъ на мѣсто—человѣкъ словно переродился и черезъ годъ два службы, встрѣчая его, видишь только кокарду и чиновника и... больше ничего... Повторяю, я меньше кого бы то ни было сомнѣваюсь въ идеализмѣ нашей молодежи.

Но это не значитъ еще, что и „на солицѣ нѣтъ пятенъ“... и что никакими пороками мы не обладаемъ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ пороковъ и хотѣлось бы мнѣ коснуться въ этой статьѣ... Не съ цѣлью обличенія, не съ цѣлью порицанія, а просто потому, что подчеркнуть то, что каждому изъ насъ извѣстно, не лишне и не вредно...

Первое, на что хотѣлось бы мнѣ ука-

зать, это довольно казенное отношеніе къ прямой своей задачѣ—знанію Господа! будемте откровенны. Мы въ значительной степени не умѣемъ работать въ области науки да, пожалуй, и не хотимъ работать по настоящему. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ многіе изъ учащихся выходятъ за рамки экзаменовъ, программы и учебниковъ? Развѣ не для большинства „ученье“ сводится къ сдачѣ экзаменовъ и полученію диплома? Развѣ не большинство за 4—5 лѣтъ „обученія“ успѣваетъ вынести только знаніе учебниковъ, которые послѣ экзаменовъ тутъ же забываются?... Думаю, что я, къ сожалѣнію, не ошибаюсь... Правда, многіе регулярно посѣщаютъ лекціи, бѣгаютъ цѣлый день изъ аудиторіи въ аудиторію, схватывая обрывки знаній, но, вѣдь, отъ этого не легче. Въ результатѣ получается только „каша“ отдѣльныхъ мыслей, а не систематическое знаніе. Отъ такой учебы толку не больше.

То, что составляетъ святое святыхъ науки и знанія—овладѣніе научными методами, усвоеніе приемовъ, посредствомъ которыхъ открываются законы явленій и пестрая смѣсь событій расчленяется на стройные ряды причин-

ныхъ отношеній, энтузіазмъ знанія, умѣнье безпристрастно подойти къ фактамъ и критически отнестись къ любой ходячей истинѣ, однимъ словомъ, самая суть науки и ея сложной и прекрасной архитектоники остается чуждой и невѣдомой намъ. Мудрено ли поэтому, что вмѣсто науки въ головѣ остаются только ея суррогаты въ видѣ различныхъ теоремъ, къмъ то доказанныхъ, теорій философскихъ и юридическихъ, къмъ то изложенныхъ, морфологии цвѣтковъ или анатоміи позвоночныхъ, къмъ то изученныхъ! Мудрено-ли, что все это скользитъ „по поверхности мозга и психики“, а не проникаетъ во внутрь. Мудрено ли, что все это по окончаніи вывѣтривается „съ легкостью пуха“ изъ головы!

Мудрено-ли, наконецъ, что черезъ годъ-два встрѣчаешь „окончившихъ“ и поражаешься ихъ невѣжеству, научному равнодушію и т. д., и т. д.!

Мало того, здѣсь коренятся причины двухъ противоположныхъ „золъ,“ которые всѣмъ намъ свойственны.

Такъ какъ своего умѣнья критически относиться къ всякой „модѣ“—научной ли, религіозной ли, или этической и т. д.—нѣтъ, то понятно, что всякія „новаторства“ среди насъ прежде всего находятъ поклонниковъ. Кто еще недавно всего горячѣе обсуждалъ „половые вопросы“?—Мы. Среди кого всего скорѣе находятъ признаніе всякаго рода чепушисто-фантазмагорическія „открытія“?—Среди насъ... Разъ что либо въ модѣ, разъ о чемъ либо трубятъ газеты—считается „долгомъ“ быть въ курсѣ дѣла всякой ерунды. „Какъ? Вы не слышали то то? Нужно сходить тудо-то? Послушать того-то. И ходимъ, и слушаемъ, восторгаемся, возмущаемся; время уходитъ, силы уходятъ,

а въ душѣ также пусто, такъ же малъ капиталъ вѣчныхъ истинъ — какимъ онъ былъ и раньше...

Слѣпое подражаніе, стадный гипнозъ и массовое внушеніе царствуютъ и управляютъ нами...

Мало того, сами, „истинно вѣрующіе“ до того бываютъ загипнотизированы своими „учителями“, что намѣренно замыкаютъ свою научную работу кругомъ работъ своей „школы“ и „принципіально“ не хотятъ изучать „инаковѣрующихъ“, „буржуевъ“ или „революціонеровъ“. „Велика экономика и Марксъ пророкъ ея!“ восклицаютъ одни. „Велико народничество и Михайловскій апостоль его!“ восклицаютъ другіе. „Великъ циркуляръ и два пальца его превосходительства!“ воинствуютъ каррикатурные и жалкіе почитатели нашего „академизма“.

И каждый изъ нихъ видитъ только конецъ своего носа. Каждый изъ нихъ подобно старовѣрамъ, фанатично и настойчиво втискиваютъ разногранные причинныя связи въ прокрустово ложе своей схемы, не желая замѣчать, что его ящички трещатъ и разлѣзаются отъ напора жизни, что то, въ чемъ онъ видитъ бѣлое, на самомъ дѣлѣ черно, что многія положенія его схемы требуютъ „ремонта“... Духъ нетерпимости, неспособность открыто и прямо смотрѣть въ глаза истинѣ, иначе говоря, духъ сектантства и предвзятости, принципіально противный духу науки,—вотъ основной грѣхъ—другой партійной половины нашего поколѣнія... Это другая сторона того же подражанія, той же покорности традиціи и моды, которая вытекаетъ изъ того же плохого желанія научно-мыслить и стремиться безпристрастно къ истинѣ, ради самой истины... Не смотря на то, что „партійное“

студенчество я поставилъ „выше“ не партійнаго въ научномъ и общественномъ отношеніи, я, однако, не могу не понять ту тоску по безпартійности, которую такъ многіе ищутъ... Этимъ „ищущимъ“ еще не вѣлась та или иная схема. Они не могутъ уложить всю жизнь въ рамки той или иной системы... Я понимаю ихъ, однако, соглашусь въ ихъ славословіи безпартійности только на половину. Поскольку они разумѣютъ свободу отъ существующихъ партій, какъ носителей извѣстныхъ теорій, постольку я согласенъ съ ними, что каждая изъ нихъ требуетъ поправокъ. Поскольку же они говорятъ объ абсолютной безпартійности, т. е. отсутствіи всякой общественности, [юридической, естественно-научной или физико-химической системы,—постольку, конечно, они ошибаются.

Та же стадность, то же отсутствіе здоровой объективной критики проявляется и въ иныхъ, хотя съ моей точки зрѣнія и болѣе лучшихъ, чѣмъ первая категория, формахъ. Я говорю о партійной „твердокаменности“, о власти лозунговъ прошлаго надъ настоящимъ.

Я не думаю обличать партійность и славословить безпартійность. О нѣтъ! Положа руку на сердце я долженъ сказать, что при сравнительной оцѣнкѣ партійныхъ и безпартійныхъ — на сторонѣ первыхъ больше плюсовъ, чѣмъ у вторыхъ. Все же есть здѣсь что-то „идущее отъ сердца“, есть опредѣленный обликъ, есть энтузіазмъ научный или общественный, есть энергія и воля, тогда какъ у вторыхъ нѣтъ почти ничего, кромѣ нѣкихъ „виртуальностей“ и неопредѣленныхъ заданій. Пусть Марксъ ошибается, но все-таки лучше знаніе Маркса и его положеній, чѣмъ знаніе Брешко-Брешковскаго, Сатири-

кона, Синяго журнала, Биржевки и... Игоря Сѣверянина съ толпой футуристовъ, акмеистовъ и прочихъ „тангистовъ“.

Изъ сказаннаго моя точка зрѣнія ясна...

Но это не мѣшаетъ мнѣ и здѣсь находить ту же стадность...

Нерѣдко приходится встрѣчать серьезнаго, занимающагося студента и не рѣдко приходится удивляться, до чего гипнотизируютъ его различные лозунги и старыя традиціи.

Жизнь не стоитъ и наука не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Она постоянно движется. Лидеры и основатели всякихъ партій въ свое время внесли въ сокровищницу знанія свой вкладъ. Но ясно, что не все сказать они могли. Какъ къ людямъ и въ нимъ примѣнима истина: „человѣку свойственно ошибаться“... Другіе люди и новыя поколѣнія внесли много новаго, во многомъ измѣнили ихъ положенія, поэтому, казалось, бы сама собой ясна предпосылка, что нужно внимательно и критически отнестись къ этимъ, хотя бы и дорогимъ каждому изъ насъ, теоріямъ. И однако?—Однако, этого нѣтъ! Что сказалъ тотъ или иной лидеръ—то свято! Всякая попытка опровергнуть его—считается „измѣной“, „буржуазностью“. Всякая попытка исправить положеніе—считается подозрительнымъ ревизионизмомъ и компромиссомъ!

Если бы это случилось—то было бы въ головѣ каждаго изъ такихъ безпартійныхъ—туманное пятно протоплазмы, и только. Это былъ бы мозгъ, въ которомъ „лишь вѣтеръ гуляетъ“, это былъ бы общественный дѣятель съ кисельной думой и съ несуществующими задачами. Однимъ словомъ, такая партія безпартійныхъ была бы „ни Богу свѣчкой, ни чорту кочергой“. Нѣтъ! Да хра-

нить насъ судьба отъ этого! И такъ ужъ у насъ на этой почвѣ черезъ мѣру

„Мчатся тучи, вьются гучи,
Невидимкою луна,
Освѣщаетъ снѣгъ летучій...
Мутно небо, ночь мутна!“

Но не о такой протоплазмѣ я говорю а говорю о той партіи, которая должна прежде всего не по казенному, а по настоящему учиться, войти въ храмъ Науки, овладѣть ея „магическими“ заклинаніями, съ тѣмъ, чтобы, вскрывать посредствомъ ихъ тайны великаго окружающаго міра, и вскрывши ихъ смѣло и рѣшительно говорить „нѣтъ“ гдѣ это диктуется знаніемъ и „да“ тамъ, гдѣ то не подлинное знаніе приказываетъ говорить такъ. Только въ этомъ случаѣ можно съ успѣхомъ срывать тайны Изиды, причинныя закономѣрности окружающаго и, въ частности, человѣческаго міра! Только въ этомъ случаѣ можно имѣть прочныя основы для практической дѣятельности и, въ частности, общественной работы, только въ этомъ случаѣ можно будетъ постепенно строить программы максимумъ и минимумъ, которыя должно и можно осуществить!

Пока этого нѣтъ, мы будемъ блуждать въ мірѣ пустыхъ сенсацій, боготворить маленькихъ и жалкихъ акте-

ровъ и или поклоняться заплесневѣлымъ рамкамъ старыхъ традицій.

Для учащихся въ научномъ отношеніи есть одна партія—„партія знанія“. Въ отношеніи познанія слѣдуетъ всегда помнить великія слова Спинозы: „Sedulo curari, humanas actiones non ridere, non lugere neque detestari, sed intelligere“ („Тщательно старайтесь человѣческія поступки не осмѣивать, не хвалить, не оспаривать, но понимать“). Когда это будетъ нужно, будетъ дана прочная почва и для лозунговъ „должнаго“; знаніе и только оно дастъ почву для разумнаго хотѣнія и разумнаго строительства живого дѣйственаго и плодотворнаго. Отсюда выводъ: „ищите же прежде всего знанія, остальное все приложится!“ ибо знаніе—есть величайшая и единственная социальная сила...

Слѣдуетъ всегда помнить изрѣченіе Канта:

„Знать, чтобы предвидѣть, предвидѣть, чтобы мочь“!

Не бездѣятельный и пассивный созерцатель и не безграмотный и невѣжественный работникъ въ родѣ Крыловскаго медвѣдя, а знающій работникъ нуженъ намъ и нашему обществу въ данный моментъ!

Римусъ.

Странный человекъ.

I.

На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Высокаго росту, широкоплечій, весь онъ, такой огромный и неповоротливый, казалось былъ высѣченъ неискусною рукою изъ одной цѣльной гранитной глыбы.

Жесткіе, какъ прутья, топорщившіеся во всѣ стороны волосы, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, тщетно пыталась прикрыть черная старая шляпа. И такъ же тщетно землистое лицо его постоянно хотѣло зарыться небритымъ подбородкомъ, какъ можно глубже, въ низкій воротникъ пальто. Издали казалось, что онъ вотъ-вотъ запоетъ басомъ и ужъ навѣрное возьметъ самую, что ни на есть низкую ноту..!

Но пальто... Боже мой, что это за пальто! Да развѣ оно годилось на такого великана?!. Прежде всего оно было ему коротко, очень коротко: гораздо выше колѣнъ. Во-вторыхъ—слишкомъ узко, совсѣмъ не по плечамъ. Поэтому то оно такъ часто рвалось вдоль всего шва на спинѣ и потому же, вѣроятно, пришлось вставить и этотъ пестрый клинъ совсѣмъ изъ другой матеріи.

Или карманы пальто были малы, или руки незнакомца велики, но только въ эти карманы никогда не входило болѣе трехъ пальцевъ, такъ что, когда мизинецъ, безымянный и средній находились тамъ, большой и указательный

должны были все время торчать наружу.

Пожалуй скорѣе руки были дѣйствительно очень ужъ велики...

Впрочемъ, несмотря на всю видимую мощностъ, казался онъ до страннаго пришибленнымъ, точно гора вдругъ неожиданно свалилась на плечи этого человека и сгорбила его, и все неуклюжее огромное тѣло безпомощно распласталось по землѣ. Каждый разъ, встрѣчая его сутуловатую фигуру, передвигающуюся, точно ползкомъ въ темнотѣ, несмѣлыми, ощупывающими шагами, когда онъ, робко прижавшись къ стѣнѣ, какъ бы цѣпляясь за нее, какъ бы въ ней ища опоры, сторонился, чтобы дать мнѣ, малышу, дорогу, я невольно спрашивалъ себя: какъ же велико несчастье, разразившееся надъ головой этого богатыря?..

Но что всего болѣе поражало въ немъ, такъ это его глаза.

Всегда широко удивленно раскрытые они, казалось, неспособны были видѣть ничего окружающаго. Какъ будто въ ихъ жизни была всего одна только картина, но картина до того потрясающе-ужасная, до того ослѣпительно-яркая, что они навѣкъ запечатлѣли ее и только ее и ничего новаго уже не въ состояніи воспринять. И такъ глубоко было отразившееся въ нихъ страданіе, что передъ нимъ отцвѣтала, тускнѣла и гасла вся фигура страннаго человека.

II.

Когда онъ пріѣхалъ въ нашъ городокъ? Кажется вскорѣ послѣ бурныхъ дней революціи. Да, да, помню: это было именно такъ. И одновременно съ нимъ появилось маленькое объявленіе въ мѣстной газеткѣ о томъ, что интеллигентъ, изъ ссыльныхъ, убѣдительно проситъ добрыхъ людей дать ему уроковъ, или другихъ подходящихъ занятій.

Но добрыхъ людей повидимому не такъ ужъ много въ нашемъ тихомъ захолустьѣ. По крайней мѣрѣ жилъ онъ въ чрезвычайной бѣдности. Всего заработка едва хватало на то, чтобы уплатить за столъ и конурку, снятую на окраинѣ города у старой вдовы, просвирни кладбищенской церкви.

Насъ, мальчишекъ всего околотка, этотъ человекъ сразу же заинтересовалъ и своей необычной наружностью и не менѣе непонятнымъ характеромъ. Онъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія, объектомъ нашихъ наблюдений, загадкой, надъ разрѣшеніемъ которой съ неослабѣвающимъ интересомъ неутомимо и упорно работали наши юные пытливые умы.

Окрестили его „Сохатымъ“. Что руководило нами при этомъ: широкая ликость сухопараго гиганта, или одна основная черта его характера, къ которой мы еще вернемся, или то и другое вмѣстѣ—не знаю; но только это прозвище осталось за нимъ и до конца его дней...

Прежде всего поражалъ необычный укладъ его жизни. Начать хотя бы съ того, что по ночамъ онъ не спалъ. Когда предметы, запутавшись въ легкихъ тенетахъ сѣрыхъ сумерекъ, мало-помалу теряли рѣзкость своихъ очер-

таній и темная ночь наводняла мракомъ маленькія улочки, тонувшія въ жуткомъ молчаніи, въ его окнѣ вдругъ вспыхивалъ огонекъ и бѣлая занавѣска заботливо закрывала окно, какъ будто хотѣла ревниво отдѣлать и уберечь этотъ маленькій слабенькій огонекъ отъ темнаго внѣшняго міра.

Самъ Сохатый всю ночь напролетъ ходилъ изъ угла въ уголъ своей коморки, и каждый разъ, бывая у просвирни въ его отсутствіе, мы съ удивленіемъ разглядывали черную, несмывающуюся тропку на полу его комнаты.

Всю ночь онъ былъ на сторожѣ, ловя чуткимъ ухомъ неживучіе рождающіеся во мракѣ шорохи и только, когда первые лучи восходящаго солнца будили къ жизни разноголосый гомонъ улицъ, онъ быстро тушилъ лампу и ложился.

Въ полдень пилъ „утренній“ чай и уходилъ на свои занятія, вечеромъ возвращался и „обѣдалъ“, а ночью—опять то же безконечное хожденіе и такъ изо дня въ день...

Отличительной чертой его характера была какая то пришибленность или, вѣрнѣе, робость, переходившая зачастую въ слѣпой панической страхъ. За обѣдомъ онъ боялся проглотить стекло и, хотя и ѣлъ очень немного, обѣдалъ чрезвычайно долго, старательно пережевывая самые мелкіе кусочки пищи.

Постоянно, даже лѣтомъ, въ его комнатахъ были двойныя рамы и ни разу онъ не открылъ окна, потому что боялся улицы; боялся насъ, своихъ маленькихъ шпионовъ, боялся каждаго встрѣчнаго на своемъ пути. И всегда, поспѣшно уступая дорогу, казалось говорилъ всѣмъ своимъ видомъ: „Ради Бога простите, что я такой большой и занимаю такъ много мѣста“.

Однажды, часовъ въ одиннадцать, когда мой отецъ сводилъ подсчеты за день (у насъ была бакалейная лавочка), а я, весь цѣликомъ, отдался наблюденію надъ тѣмъ, какъ кружилась кошка, догоняя свой хвостъ, кончикъ котораго былъ продернута въ пустой юрочекъ изъ подъ нитокъ (безобидная забава—изобрѣтеніе моего скромнаго генія), къ намъ вдругъ постучали. Вошелъ Сохатый

— Что вамъ угодно?

— Въ лавочку...

— Не торгуемъ, лавочка закрыта.

— Миѣ нужно керосину.

— Лавочка закрыта, упрямо повторилъ отецъ.

Тогда случилось то, чего мы меньше всего могли ожидать: странный человекъ заплакалъ.

Всѣ мы трое, отецъ, я и кошка, пораженные съ удивленіемъ смотрѣли на громадное, бившееся въ судорогахъ рыданій, тѣло и среди грузныхъ всхлипываній можно было разобрать только одну фразу: „Я боюсь... темноты... Бою-у-усь...“

Выходя немного погодя въ сѣнцы, чтобы закрыть дверь за необычнымъ посѣтителемъ, я видѣлъ, какъ прижавши къ груди бутылку съ драгоценной жидкостью, онъ бѣгомъ побѣжалъ домой...

Такъ вотъ почему этотъ человекъ не спитъ по ночамъ и маленькій, слабенькій огонекъ въ его окошкѣ всю ночь напролетъ борется съ мракомъ...

III.

Когда на Балканахъ вспыхнула война, Сохатый въ первый разъ пришелъ въ церковь. И не пустое любопытство привело его сюда. Всѣ мы, школьники, смотримъ и ждемъ, что будетъ дальше.

Вотъ онъ простоялъ обѣдню, вотъ онъ подходитъ къ священнику: „Батюшка, отслужите молебенъ...“ Благодарственный молебенъ Спасу. Что бы это могло значить? Что за удача выпала на долю этого человекъ? Какая? Гдѣ? Въ чемъ?.. Мы всѣ теряемся въ догадкахъ, а между тѣмъ уже льются тихіе звуки заученныхъ пѣснопѣній и странный человекъ, опустившись на колѣни передъ образомъ Спасителя, молится. Но только молится какъ то чудно, по-своему: не кланяется въ землю и не подымается съ колѣнъ.

Прижавъ къ груди руки со скрещенными ладонями, съ судоржно сжатыми пальцами, онъ весь замеръ. И только крупныя слезы часто, догоняя одна другую, катятся, катятся по его темному лицу...

* * *

Съ тѣхъ поръ онъ часто бывалъ у насъ.

Такъ какъ ему не на что было выписать газеты, онъ бралъ у отца прочитанныя Биржевыя Вѣдомости и всегда просматривалъ ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Если прежде что то выбило изъ колеи жизнь этого человекъ, то теперь новая сила, совершенно непонятнымъ для меня образомъ, вернула эту жизнь въ ея прежнее русло. Какъ будто снова найденъ потерянный талисманъ, а вмѣстѣ съ нимъ и новая непоколебимая надежда на счастье.

Этимъ ожиданіемъ непонятнаго счастья заразился и мой отецъ, и когда на вопросъ: „Ну, что новаго?“ начиналъ взволнованнымъ голосомъ излагать случившееся за недѣлю, странный человекъ говорилъ обычно: „О, это такъ не кончится!.. Какой смыслъ хотѣлъ онъ вложить въ эти слова?“

Очевидно, чего то ждалъ отъ войны и чѣмъ ярче развертывались событія, тѣмъ сильнѣе и нетерпѣливѣе становилось это ожиданіе.

Періодъ затишья на Балканахъ протянулся мучительно долго и былъ настоящей пыткой, но, однако, ни на сотую долю не поколебалъ его довѣренности. Въ каждомъ номерѣ онъ искалъ ея подтвержденія и умѣлъ прочесть его между строкъ. А когда, вслѣдъ за австро-сербскимъ конфликтомъ, газета принесла извѣстіе о Европейской войнѣ, онъ, едва вѣря, повторялъ только: „Вотъ видите... вотъ видите же... я говорилъ: это не могло такъ кончиться!..“

Міровую войну странный человѣкъ ознаменовалъ новымъ молебствіемъ. Война окрылила его, укрѣпила вспыхнувшія надежды и опьяненный радостью, близостью невѣдомаго, долгожданнаго счастья, бродилъ онъ, какъ въ чаду, не замѣчая и не желая замѣчать ничего окружающаго...

IV.

Умеръ странный человѣкъ. Умеръ нелѣпой, непонятной смертью. Что привело его къ трагическому концу? Счастье ли раздавило такъ же, какъ въ свое время — несчастье, или здѣсь, была какая нибудь другая причина — не знаю, но онъ умеръ и кругленькая дырочка въ правомъ вискѣ отъ маленькой револьверной пули говорила объ этомъ.

Все свое имущество, состоящее изъ пустого чемодана почтенныхъ лѣтъ, ровесниковъ — брюкъ и вилки съ расколотымъ черенкомъ, онъ завѣщалъ сво-

ему другу, „милому, доброму лавочнику“, а приставъ, добрая душа, прибавилъ сюда еще и тетрадку, которая, какъ оказалось, была дневникомъ владѣльца. Привожу двѣ послѣднія строчки оттуда, написанныя, видимо, передъ самой смертью: „О, какъ я счастливъ, какъ безумно счастливъ!.. Нѣтъ! На этотъ то разъ жизнь не сумѣетъ ужъ вырвать у меня моего счастья“.

* * *

Похороны происходили при весьма грустной обстановкѣ: съ утра шелъ не то снѣгъ, не то дождь, растворившій невообразимую слякоть на улицахъ. Холодный, пронизывающій до костей, вѣтеръ дулъ порывами, то и дѣло коварно мѣняя направленіе: или забѣгалъ впередъ, или вдругъ неожиданно появлялся откуда то сбоку; раза два, напримѣръ, намъ удалось даже уличить его въ явномъ намѣреніи перевернуть гробъ и вытряхнуть мертвеца въ самую грязь, — и несмотря на все это, покойникъ чувствовалъ себя великолѣпно. По крайней мѣрѣ ничего иного нельзя было сказать, глядя на его лицо. Такого веселаго лица я отродясь не видывалъ еще. Похоже было, что его обладатель только что поднадулъ кого то, что онъ вотъ вотъ лукаво подмигнетъ лѣвымъ глазомъ, ткнетъ тебя въ животъ большимъ пальцемъ и, закатившись веселымъ безудержнымъ смѣхомъ, прибавитъ: „Помалкивай: я знаю, что я знаю!..“

Нѣтъ, это былъ, положительно, странный человѣкъ.

В. Яшинъ.

Невѣдомому богу.

(Посвящается тому редактору, который рискнетъ напечатать).

Бобылкина избушка у кордону,
Похожая на старую ворону
Съ ощицанными перьями, сгорѣла
До тла, съ хозяйкой вмѣстѣ: вотъ, вѣдь, дѣло!

Случилось это ночью. День субботній
Поникъ головой за дальнимъ неба краемъ.
Поповскій нервный песъ изъ подворотни
Луну встрѣчалъ зазывно-звонкимъ лаемъ.

Лучъ молодой за сонною деревней
Весь посѣдѣлъ: ночныя росы пали.
Пѣлъ хоръ свѣтилъ въ синѣющей эмали
И гимнъ дышалъ какой-то тайной древней...

Случилось это ночью... Старушонкѣ
Служили плохо старческія ноги:
Насилу дотащилась до избенки.
Присѣла, отдохнула на порогѣ.

Потомъ, войдя, три свѣчки засвѣтила,
Что ей дала монашка отъ Успѣнья,
Боится ихъ нечистая, слышь, сила...
И встала предъ божницей на колѣни.

Прочла сначала „Отчу“, тамъ—„Достойно“,
Да только на седьмомъ земномъ поклонѣ
Заснула... Ликъ Христовъ глядѣлъ покойно
И трепетали тѣни на иконѣ.

А свѣчи восковыя догорѣли,
Зажгли сухую пихту на божницѣ.
Отъ пихты угли падали и тлѣли,
Пока не занялися половицы.

Огонь, бушующая, вырвался на крышу,
По ней разлился искристою лавой,
Змѣей метнулся вверхъ и въ небѣ, выше
Казался лентой жертвенной кровавой.

* * *

Струила ночь свои благоуханья
И замеръ лѣсъ въ нѣмомъ оцѣпенѣньи:
Какъ будто, затаившія дыханье,
Творили ели строгія моленья.

* * *

Покорно тѣни въ чашу отступили,
Ложился черный пепель на дорогу.
Похоже было: жертву приносили
Какому-то невѣдомому богу.

* * *

Казался міръ—безкрайнымъ божьимъ храмомъ,
Надъ нимъ синѣль, какъ куполь, сводъ небес-
ный
И сизый дымъ мѣшался съ оміамомъ...

* * *

Избенка въ эту ночь, на день воскресный,
Сгорѣла вся до тла, какъ божья свѣчка...

* * *

А утромъ—полѣсовщикъ на крылечко
Шатаясь вышелъ. Ротъ съ привычной лѣнью
Крестилъ, зѣвая... Вдругъ, не безъ смущенья,
Пробормоталъ: „Поди-жь ты. Вотъ вѣдь зелье!
Стаканчикъ опрокинулъ на похмѣлье—
И пьянъ... Такъ пьянъ, какъ будто бы съ бу-
тылки?!“
Протеръ глаза и... почесалъ въ затылкѣ.

В. Яшинъ.

* * *

Чортово Городище.

(Уральская легенда).

Есть на Уралѣ, запрятанный среди лѣсовъ и болотъ, одинъ уголокъ; „Чертовымъ Городищемъ“ зовется онъ. Съ давнихъ временъ идетъ про него недобрая слава.

И правда, когда посмотришь на каменныя громады, воздвигнутыя чьей-то таинственной рукой, то въ видѣ стѣнъ, то въ видѣ башенъ и какихъ-то непонятныхъ построекъ,—жутко и страшно становится и невольно подумается, что здѣсь когда-то, давно-давно, красовались чертоги сатаны.

Какіе циклопы ада громоздили одна на другую гранитныя горы, своей бѣсовской фантазіей создавъ въ этомъ узкомъ подъемѣ къ небу какую-то дико-художественную, нелѣпо-прекрасную архитектуру?

Съ одной стороны „Чортово Городище“ обрывается сразу высокой отвѣсной стѣной; съ другой—идутъ громадныя, неправильныя ступени, поросшія сѣрыми мхами и старыми елями, которыя въ бурно-грозовыя ночи рассказываютъ жуткія, неудержимо-волшебныя легенды Урала.

Рассказываютъ онѣ о кровавыхъ потѣхахъ разбойничьихъ на большихъ дорогахъ въ безлунныя ночи, о страшныхъ видѣніяхъ заблудшихъ странниковъ, о тихихъ раскольничьихъ скитахъ, о жестокихъ бунтахъ уральскихъ заводовъ и забытой уральской старинѣ...

Скрипя подъ напоромъ вѣтра, онѣ ушли въ воспоминавія, перешептыва-

ются все явственнѣй и явственнѣй...

...А тучи на небѣ давно уже грохочутъ: „Что,—моль,—разболтались старыя. Еще ненарокомъ услышитъ кто-нибудь изъ людей“!..

Но старыя ели все громче и громче переговариваются между собой о томъ времени, когда еще не дымились кирпичныя трубы фабрикъ и горластые горнозаводскіе паровозы не тревожили своими свистками заповѣдныхъ лѣсовъ.

И дальше, дальше пошелъ по зеленому верхушкамъ этотъ говоръ; тогда разъяренная молнія своей огненной стрѣлой въ щепы сбиваетъ вѣтвистую голову неугомонной сплетницы... Все сильнѣй и сильнѣй шумитъ лѣсъ; а вѣтеръ — баловникъ — подзадориваетъ: вдругъ, какъ набѣжить откуда-то неожиданно, да шепнетъ словечко одной—другой ели, и пошли опять шумѣть...

И гремятъ тучи, и сверкаетъ молнія, и гудитъ лѣсъ... Гудитъ, гудитъ...

И вотъ, что рассказалъ мнѣ одинъ старый охотникъ.

I.

...Заколочила это у Кирюшки. Крапивы въ головѣ одна неотвязная мысль; ни пить, ни ѣсть, ни спать спокойно не можетъ.

Днемъ-ли, ночью-ли, а все одно думаетъ; похудѣлъ даже отъ нее, отъ мысли-то проклятой. А пріатели-пропойцы смѣются надъ нимъ:

„Когда же ты, крапивное сѣмя этакое, кладь-то принесешь? Когда-же это мы жить-то будемъ по богатому? Мы бы съ тебя за это хорошій магарычъ спросили. А то побахвалился да и лыжи заворачиваетъ“!..

А правду надо сказать: непутевый мужиченко былъ этотъ Кирюшка—и по отчеству-то давно ужъ сосѣди и отвыкли звать,—связался съ тремя голышами-пропойцами да, такъ и путался все время въ ихъ пьяной кампаніи. Христомъ—Богомъ молила его жена оставить этихъ заводскихъ „ухарей“, да, такъ, видно, и проплакала даромъ Авдотья свои глаза; ничего не помогало: только злѣе приходилъ, распьянымъ пьяно, Кирилль, да сильнѣе буянилъ и тиранствовалъ дома.

Пропивалъ все свое заводское жалованье, а когда оттуда выгнали, пошли гулять изъ избы женины пожитки.

Терпѣла, терпѣла Авдотья его пьяныя издѣвательства, да не вынесла въ концѣ-концовъ, и въ одну темную ночь ушла отъ мужа съ двумя своими малолѣтками, оставивъ его одного въ темной опустѣвшей избѣ ловить и закрепивать зеленыхъ чертиковъ...

Ушла къ своимъ старымъ отцу-матери.

Остался Кирюшка одинъ и еще больше разошелся безъ жены, совсѣмъ опустѣла изба, словно выдуло все изъ нея; да не вѣтромъ выдула это, а непутевымъ житьемъ пьяницы — Крапивы: вѣдь всѣ пожитки стаскалъ въ кабакъ! Пилъ—безъ просыпу.

Тутъ-то вотъ и приключилась съ нимъ исторія, послѣ которой и прозвали его „Крапивою“.

И смѣшно, и совѣстно рассказывать, что подѣлаешь,—планида, разъ, ему такая выпала.

...Валяется это Кирюшка въ канавкѣ, совсѣмъ въ положеніи ризъ, и силится еще чего-то будто спѣть,—валяется это и по пьяному хрюкаетъ.—а надо сказать, лѣтомъ дѣло было.—Да, какъ на зло въ ту пору проѣзжалъ мимо на парѣ исправникъ и замѣтилъ это изъ канавы чьи-то ноги—Кирюшкины, стало-быть,—да какъ гаркнетъ: „Протрезвить его, красную харю“!..

Мигомъ это нарвали крапивки, спустили Кириллу Ивановичу штаны, да цѣлый ворохъ туда ему наклали и опять застегнули; получилось это изъ Кириллиныхъ штановъ будто на манеръ перины.

Ну, сдѣлали—уѣхали.

Лежить это Кирюшка съ пьяненькой улыбочкой... Проснулся, приподнялся, сѣлъ... И почувствовалъ это, хоть и съ похмелья былъ,—словно на угольяхъ сидеть: жжетъ не выносимо да и зудъ къ тому же невозможный.

Заворочался, старается въ понятіе притти, да какъ вззоетъ, да какъ побѣжить...

Почти весь заводъ обѣгалъ рѣзвенькой такой, какъ настеганный:..

А народъ-то на завалинкахъ сидеть—праздникъ былъ—и смѣется: „Смотрите-ка, смотрите-ка!.. Ясный соколъ-то нашъ, никакъ исправнику въ милость попалъ. Протрезвило“!..

Только потомъ догадался Кирюшка вытрясти изъ штановъ крапиву и прекратить свои муки, да узелокъ на красномъ платкѣ завязалъ, не забыть—на цѣлыхъ три дня не садиться.

Такъ „вытрезвлялъ“ исправникъ.

А Кирюшкѣ съ той поры пошла кличка „Крапива“.

II.

Пируетъ это однажды Кирюшка въ кабакъ вмѣстѣ со своими пріятелями,

да еще съ присосѣдившимся къ ихъ компаніи бродячимъ цыганомъ.

Высокій, здоровенный парень былъ этотъ цыганъ; загорѣлый, черные волосы на головѣ въ кольцахъ, а глаза такіе пронзительные, словно всю тебѣ душу высмотрять...

Чувствуетъ Кирюшка, что „жохъ“ ихъ новый знакомый, прожженная душа,— въ ротъ пальцы не клади...

— Ань нѣтъ: привлекаетъ къ себѣ человѣкъ своей удалью да безшабашностью: и пить гораздъ и пѣть мастеръ, а деньгами швыряетъ, словно золота у него—куры не клюютъ.

Сидятъ это они, уже какъ слѣдуетъ выпивши, и горлавятъ „Лучинушку“.

Поетъ и Кирюшка, а самъ про себя думаетъ: „И откуда это у него берется столько денегъ?.. Съ виду—простой цыганъ, а возьми-ка поди.“ Словно почувствовалъ тотъ Кирюхины мысли, да какъ взглянетъ на него своими плошками, да подмигнетъ хитро-хитро, что екнуло Кирюшкино сердце и даже въ потъ бросило.

— Что за лѣшій такой!..

Да все-таки какъ не крѣпился Крапива, а вышло, такъ, что спросилъ онъ этого рыжаго парня: какимъ де такимъ это ремесломъ занимаешься, что деньгами безъ жалости соришь?

А то, что рассказалъ цыганъ, чуднымъ и забавнымъ показалось ему спервоначала.

— Какъ, молъ, это можно заниматься розысками кладовъ?!

И дальше рассказалъ ему цыганъ, что вывѣдалъ онъ изъ лѣстовки одной старухи-разскольницы, будто версть за 20—25 отъ завода, въ глухомъ лѣсу подъ древней сосною былъ зарытъ и заговоренъ разбойниками лѣтъ съ полсотни тому назадъ богатый кладъ; да

вышелъ срокъ этому заговору и теперь сокровища можно взять голыми руками.

Загорѣлись Кирюшкины глаза,—что же молъ зѣваешь, да не идешь самъ выкапывать? А цыганъ въ отвѣтъ только равнодушно бросилъ,—на мой-де вѣкъ и собраннаго хватить, а коли хочешь попытать свое счастье, такъ вотъ...

— И рассказалъ Крапивѣ куда и какими тропинками надо идти, да по какимъ примѣтамъ искать мѣсто.

На другой день цыгана уже не было съ ними, но все, что онъ сказалъ, крѣпко запомнилось Кирюшкѣ.

Съ той-то поры и засѣла клиномъ неутомимая мысль о кладѣ въ его безпутной головѣ.

III.

Люди постыятся, со вздохами отбиваютъ на каменномъ полу старой заводской церкви свои покаянные поклоны на Страстной недѣлѣ, чтобъ потомъ радостнѣй встрѣтить Свѣтлый Праздникъ, а Кирюшка наладился искать кладъ.

Взялъ съ собой желѣзную лопату, мотыгу, мѣшокъ да краюшку чернаго хлѣба, и рано утромъ, въ Великую Пятницу, вышелъ изъ своей неприглядной избы, стараясь, какъ можно скорѣе и незамѣтнѣе, выбраться изъ завода къ лѣсной опушкѣ.

Пасха нынче была поздняя и весь лѣсъ уже давно нарядился въ зелень. Съ тихимъ шумомъ, просвѣчивая подъ солнечными лучами, колыхался надъ нимъ зеленый шатеръ, въ прорывахъ котораго голубѣло бездонно-глубокое небо. Влажная отъ утренней росы трава съ неуловимымъ шорохомъ слабо обвивала ноги, обтирая сапоги, запыленные по пути изъ завода...

Въ самомъ началѣ лѣсъ былъ смѣшанный: стройно высились сосны, кра-

совались подь солвышкомъ кудрявыя березки, кой-гдѣ виднѣлись гордыя липки и рѣдко-рѣдко тревожно трепетала безъ вѣтра осина,—проклятое Богомъ дерево...

Идетъ Кирюшка и все никакъ не можетъ забыть сегодняшняго предутренняго сна; вѣдь и приснится-же, да еще какъ явственно, словно и вправду все это было!..

...Уже совсѣмъ собрался Крапива итти за кладомъ; взялся за ручку двери, чтобы выйти изъ избы,—чувствуетъ что дверь словно сама отворяется.

Смотрить, входитъ тотъ самый цыганъ, съ которымъ они вмѣстѣ пировали, а за спиной у него мѣшокъ, полнымъ полно чѣмъ-то набить, да позвякиваетъ въ немъ иногда что-то...

Вошелъ въ избу и, какъ былъ въ шапкѣ, садится на лавку, глядитъ на Кирилла да усмѣхается.

— Откуда ноги несутъ?—спрашиваетъ тотъ.

А цыганъ только молчитъ, да усмѣхается, злорадно такъ...

— Что, языкъ что-ль отвалился?— Усмѣхается цыганъ, глядитъ своими плоскими пристально-пристально, даже больно стало Кирюхинымъ глазамъ, словно ихъ чѣмъ-то покалывать начало...

И жутко, и зло разбираетъ...

— Да будешь-ли ты сомной, наконецъ, толкомъ-то говорить?! — гаркнетъ Крапива, да такъ громко, что самъ удивился.

— Не сердись на меня, Кирюшенька. Ужь такъ и быть, покаюсь я тебѣ во всемъ... Оставайся-ка ты дома, поставь лопату, да мотыгу на старое мѣсто. А мѣшокъ опять брось подь лавку. Какъ былъ онъ пустымъ, такъ и останется пустымъ...

— Вѣдь вырылъ я, окаянный, кладъ-отъ твой!..

Схватился Кирилль обѣими руками за голову, словно обмеръ...

Опомнился, смотреть,— а цыганъ усмѣхается.

Озвѣрѣлъ Крапива отъ злости и досады...

— Ну, берегись, цыганская образина— подлетѣлъ къ своему злодѣю, какъ размахнется кулакомъ, да ка-акъ...

— И проснулся.

Первые солнечные лучи уже проникали въ избу сквозь грязные оконные стекла; у сосѣдей во дворѣ громко кричалъ пѣтухъ. На заводской колокольнѣ звонили къ ранней обѣднѣ.

Обрадовался Кирюха, что это былъ сонъ,—перекрестился даже.

Однако рука ныла... Такъ ею со сна онъ грохнулъ въ стѣну.

И сейчасъ, въ лѣсу, не перестаетъ болѣть.

А что ни говори—чудной сонъ!

Подь ногами зашуршали папоротники, заколыхались ихъ зеленые молодые завитки: пришлось итти низиной.

Лѣсъ полонъ жизни: отовсюду громко кричатъ птичьи голоса; гдѣ-то далеко-далеко въ чащѣ протяжно затосковала кукушка, предсказывая, сколько чело-вѣку суждено прожить на бѣломъ свѣтѣ.

Вотъ изъ-за можжевельника выско-чилъ заяцъ и, смѣшно прижавъ къ спинѣ свои длинные уши, кубаремъ пролетѣлъ черезъ солнечную полянку въ глубину лѣса.

Не могъ удержаться Кирюшка отъ искушенія, чтобы не улюлюкнуть ему вслѣдъ; потомъ долго хохоталъ надъ страхомъ косога.

А все-таки не выходитъ изъ головы чудесный сонъ: вдругъ—да, въ самомъ дѣлѣ, выкопалъ цыганъ этотъ кладъ!

Уже второй день пробирается Крапива сквозь лѣсную чащу и давно-давно чувствует, что не туда бредетъ; мысли въ головѣ всѣ перепутались: одно только понимаетъ, что заблудился онъ.

Ловко же подшутить надъ нимъ лѣшій! Ясное дѣло, никто иной, какъ лѣшій, сбиль его съ пути. Ну, ищи теперь примѣту клада,—камень съ высѣченнымъ крестомъ.

А началось это такъ.

Шелъ это онъ вчера по вьющейся тропинкѣ, вытопанной странниками, да бродягами, и торопился до ночи добратъ поскорѣе до мѣста.

Вечерѣло...

Лѣсъ начиналъ погружаться въ сѣрый сумракъ; все тѣснѣе и тѣснѣе сливались другъ съ другомъ деревья, пока вокругъ Кирилла не образовалась сплошная темень.

Жутковато было идти Кирюшкѣ своей узкой дорожкой между двухъ высокихъ стѣнъ деревьевъ, которыя словно готовились его раздавить своей темной массой.

И рѣшилъ Крапива, чтобы не страшно и не скучно было, закурить. Свернулъ изъ бумаги „собачью ножку“, насыпалъ туда махорки, полѣзъ въ карманъ штановъ за огнивомъ, а тамъ его и нѣтъ.

Шарилъ, шарилъ въ карманѣ и ничего, кромѣ завалящихся хлѣбныхъ крошекъ, не нашелъ.

Досадно ему стало.

Вдругъ видитъ вдали по тропинкѣ межъ деревьевъ вспыхнулъ огонекъ: чья-то фигура наклонилась, прикуриваетъ...

Обрадовался Крапива, что не одинъ онъ въ лѣсу и крикнулъ вслѣдъ дви-

нувшемуся опять впередъ неизвѣстному попутчику:

Эй, землякъ, обожди! Дай огоньку!..

Будто не слышала ничего эта фигура, не обернулась даже,—идетъ въ глубину лѣса.

Еще и еще окрикнулъ Крапива и, видя, что ничего не помогаетъ, сталъ набавлять шагу, чтобъ догнать страннаго пѣшехода: и покурить хочется, и не такъ ужъ боязно вдвоемъ итти по темному лѣсу...

Но какъ ни торопился Кирилль,—не уменьшается между ними разстояніе.

Смотритъ онъ на молчаливую фигуру впереди и знакомой кажется она ему...

Кто-же такъ припадалъ на лѣвую ногу?..

— Цыганъ!

Похолодѣлъ даже при этой мысли и волосы зашевелились подъ рублевымъ картузомъ.

— Встрѣтись сейчасъ, ночью, одинъ на-одинъ съ глазастымъ, ражымъ—а Кирюшка искренно считалъ его за колдуна!

Вотъ такъ прикурилъ!

Хорошо еще, что не оглядывается; но почему?!

Словно мурашки забѣгали по Кирюшкиной спинѣ и еще страшнѣе показалось ему.

А ну его къ ляду съ кладомъ-то этимъ!..—пробормоталъ Крапива, уже окончательно рѣшивъ бросить свою затѣю и повернуть назадъ домой, въ заводъ.

И только хотѣлъ онъ это сдѣлать, какъ почувствовалъ, что ноги его не слушаются и шагъ въ шагъ идутъ за цыганомъ, который безъ устали, словно скользилъ впередъ и уже не по тропинкѣ, а черезъ болота и гнилые пни.

... Ничего не помнитъ Кирюшка: долго-ли, много-ли прошелъ онъ за цыганомъ, только не забылъ какъ передъ разсвѣтомъ прихрамывающая сѣрая фигура вдругъ исчезла, а съ ближайшей суконной вѣтви тотчасъ же съ хохотомъ шумно слетѣла глазастая сова и углубилась въ лѣсную глушь...

А Кирилка, ясное дѣло, сбился съ пути. И сейчасъ опять вечерѣетъ, а онъ, продираясь сквозь чащу, никакъ не можетъ выбраться на вѣрную дорогу.

Вотъ незамѣтно и ночь начала спускаться...

„Вѣрно часовъ около десяти“ — сталъ соображать Кирилль.

Опять гдѣ-то загукала и захохотала сова; гдѣ-то долго и жалобно-жалобно, какъ малое дитя, кричалъ заяцъ; изъ глубины лѣса слышался приближающійся шумъ и трескъ, словно шель кто-то большой и громоздкій, ломая на пути своемъ встрѣчныя старыя сосны...

Надъ головой, высоко, въ темномъ небѣ, раздался какой-то странный и медлительный свистъ, потомъ затрепыхали и зашлепали чьи-то большія крылья, и что-то тяжелое пронеслось, опускаясь за дальними деревьями...

„Упырь?!“ подумалъ Кирюшка и жуть еще сильнѣе, чѣмъ вчера, начала его разбирать, а страхъ все больше и больше забѣгалъ у него по спинѣ своими холодными мурашками.

И не подозрѣвалъ онъ, что рѣшилъ жестоко проучить его за дерзость самъ сатана, около владѣній котораго, совершенно объ этомъ не вѣдая, онъ шатался.

А шатался онъ какъ-разъ около той дыры, изъ которой по временамъ вырывалось адское пламя, облизывая своими огненными языками сосѣдніе камни и обугленные сосны.

Уже совсѣмъ близко подходитъ Кирюшка къ Чертовой дырѣ, идетъ и не замѣчаетъ, что за нимъ по слѣдамъ крадутся лохматые чертенята, окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и ждутъ только минуты, чтобы схватить его и потащить въ пекло на грозный судъ сатаны.

Замеръ отъ ужаса Кирюшка, когда съ визгомъ и крикомъ отовсюду выскочили лохматые, хвостатые фигуры, съ такими мерзопакостными рожами, какія и не снились ему во хмѣлю, когда онъ по ночамъ боролся съ зеленой чертовской націей.

Хотѣлъ было перекреститься, да догадливъ и хитеръ оказался самый маленькій бѣсенокъ: кубаремъ подкатился онъ Кирюшкѣ подъ ноги, и словно о кочку споткнулся — полетѣлъ тотъ, не успѣвъ сотворить крестнаго знаменія.

Десятки волосатыхъ лапъ, щекоча, схватили перетрусившаго ухаля за руки и ноги, и чертенята, съ довольнымъ визгомъ, ссорясь изъ за него попути, потащили его куда-то быстро-быстро.

Только вспомнилъ Кирюшка, что сейчасъ люди пойдутъ къ свѣтлой заутренѣ и будутъ радостно встрѣчать въ разукрашенной заводской церкви Христова Воскресеніе, — а ему, пьяницѣ, въ это же время, придется за безпутную жизнь, въ какой-нибудь адской кухнѣ, коптиться на вертелѣ или вариться, какъ раку, въ котлѣ до самаго скончанія вѣка...

И такъ жалко стало Кирюшкѣ самаго себя, такъ захотѣлось еще пожить на бѣломъ свѣтѣ, что попробовалъ онъ вырваться у чертей, а тѣ, чтобы угомонить его, пробѣгая мимо сосны, тукнули въ нее Кирюшкиной головой, послѣ чего тотъ окончательно успокоился...

...Очнулся Кирюшка, посмотрѣлъ на себя; ничего — цѣль: пока еще не сваренъ, не поджаренъ... Лежить на землѣ...

Слышитъ, разговоръ около него какой-то идетъ; спорять два голоса: одинъ чистый, нѣжный такой, а другой грубый и съ хрипотой, какая часто была у Кирюшки послѣ перепоя.

Бойтся Крапива приподняться и оглянуться кругомъ: вдругъ да эти бѣснята опять схватятъ и тогда ужъ навѣрняка потащатъ въ пекло.

Лежить и прислушивается къ спору... И понялъ тутъ безпутный мужиченко, что вступился за него Ангелъ-Хранитель — тотъ, что съ нѣжнымъ, тихимъ голосомъ — и хочетъ его спасти отъ лапъ сатаны, отъ вѣчнаго огня адскаго...

Но упоренъ сатана, стоитъ на своемъ: долженъ сей окаянный грѣшникъ расплатиться за свою мерзкую земную жизнь; — цѣлую книгу Кирюшкиныхъ пакостей представилъ, читаетъ все по порядку.

Ободрился Крапива при видѣ защитника; даже хотѣлъ, по земной привычкѣ, пустить въ сатану самой отборной руганью, да посовѣстился Ангела, — неудобно все-же какъ-то...

А сатана читаетъ страница за страницей... Приподнялся Кирюшка на локтѣ и увидѣлъ окруженнаго бѣсами и чертами всякихъ адскихъ чиновъ, самаго сатану, увѣнчаннаго короной изъ череповъ и выпятившаго съ золотого трона свое огромное волосатое брюхо, — а противъ него блѣднаго крылатаго юношу, въ ослѣпительно бѣлыхъ одеждахъ, сіявшаго, какъ солнце, неземной красотой.

Все блѣднѣе и печальнѣе прекрасное лицо при перечисленіи новыхъ Кирюшкиныхъ продѣлокъ; — все злораднѣе и увѣреннѣе сатана.

Однако твердо рѣшилъ Хранитель спасти обреченную пропадающую жизнь.

А въ Крапивѣ уже проснулась совесть, при видѣ скорби райскаго юноши; раскаяніе стало невыносимо мучить своими укорами...

И условились между собой Ангелъ и сатана такъ разрѣшить свой споръ.

Если князь Ада со всей бѣсовской свитой успѣетъ построить на этомъ дикомъ мѣстѣ чертоги до перваго удара пасхальнаго колокола, то сгинуть во вѣки Кирюшка и быть ему въ котлѣ; если же сатана не успѣетъ, то пусть не сердится за спасеніе заблудшей души, заблудшаго человѣка.

И призываетъ сатана всѣхъ своихъ чертей отъ мала-до-велика; и закопошилась нечистая сила, вытаскивая черезъ адскую дыру изъ глубокихъ нѣдръ земли каменные громады и драгоценные самоцвѣты...

Мелкая погань поспѣшно тащитъ, что полегче, а старые бѣсы безъ устали кладутъ гранитные стѣны.

И растетъ чудесное зданіе, и поднимаются его странные купола и башни выше сухихъ вершинъ столѣтнихъ сосенъ; — все дальше и дальше, все выше и выше возносятся въ своемъ дерзновенномъ порывѣ къ ночному небу, къ его далекимъ мерцающимъ звѣздамъ...

Растетъ гигантъ-дворецъ, потянулись безконечныя сказочныя колоннады; изобрѣтательная дьявольская фантазія создавала нелѣпо-чудесные стили, такъ прекрасно переплетавшіеся между собой...

Дивится Кирюшка; совсѣмъ забылъ объ опасности, глядя на эти волшебныя чертоги, на роскошныя залы, украшенныя золотомъ и камнями-самоцвѣтами.

Сіяетъ-горитъ дворецъ, освѣщенный адскими огнями, вырывающимися изъ земной дыры...

Стараются черти, кишмя-кишатъ во-кругъ, на славу отдѣлывая свою дико-художественную, таинственно-прекрасную архитектуру; скоро кончатъ со-всѣмъ, и ужь заранѣе предвкушаютъ Кирюшкины муки.

Еще остается одинъ послѣдній камень и дворецъ будетъ готовъ...

Съ торжествующимъ хохотомъ, лязгая бѣлыми клыками, потянулся сатана къ обмершему Кирюшкѣ своими лохматыми руками; радостно повизгивая за-кривлялись черти...

— Вдругъ надъ вершинами деревьевъ мощно прокатился первый ударъ пасхальнаго колокола; за нимъ другой, третій, и величаво поплыли надъ землей радостные пасхальные псалмы, нѣжно утопая въ звѣздномъ небѣ.

Съ ужаснымъ грохотомъ и трескомъ зашаталось и рухнуло дивное бѣсовское строеніе, давя и подшибая камнями разбѣгающихся чертей, и заваливая огромными обломками жерло ада...

... Когда опомнился Кирюшка, то увидѣлъ вмѣсто прежнихъ чудесныхъ чертоговъ, груды развалинъ, все еще сохранившихъ кой-гдѣ остатки былого величія и красоты...

Ни бѣсовъ, ни ангела около него не оказалось...

Только подъ землей что-то долго гудѣло... А когда онъ поднялъ голову вверхъ, въ синеву ночи, то увидѣлъ что-то ослѣпительно-свѣтлое, поднимающееся высоко къ звѣздамъ, откуда все слабѣе и слабѣе доносились до Кирюхи, вмѣстѣ съ пѣніемъ колоколовъ, небесно-радостные звуки, ликующаго райскаго гимна...

Непонятна была сосѣдямъ переменна происшедшая съ безпутнымъ Кирюшкой: кажется всѣхъ радостнѣй былъ для него праздникъ Свѣтлаго Воскресенія; ни маковой росинки не взялъ въ ротъ, а словно съ ума сходить отъ какой-то тайной, невидимой людямъ радости... Такимъ и остался до конца своей жизни. И переменили ему прежнюю кличку: „блаженнинькимъ“ про-звали.

Трудно было узнать и прежняго Кирюшку-непутеваго: пьянство и компанію совсѣмъ бросилъ, въ церковь каждо-дневно ходилъ и въ странничество по святымъ мѣстамъ ударился. Жизнь-то грѣшную хотѣлъ искупить!

И никто бы не узналъ, что случилось съ Кирюшкой въ пасхальную ночь, если-бъ не болтливый языкъ попады...

Почувствовавъ свой близкій конецъ, рѣшилъ Кирюшка умереть на родной землѣ.

На духу онъ рассказалъ отцу Николаю все, какъ было. Батюшка долго дивился надъ чудеснымъ спасеніемъ непутеваго Кирюшки, да, не удержавшись, сообщилъ это, подъ строжайшей тайной матушкѣ.

Ну, а тутъ, ужь, конечно, дѣло про-пащее...

Длинный языкъ попады сдѣлалъ свое дѣло: на другой же день весь за-водъ ахалъ и удивлялся надъ „Кирюшкинымъ чудомъ“!

...

... Вотъ что я узналъ отъ стараго охотника про „Чертово городище,“ — про этотъ одинъ изъ многочисленныхъ красивыхъ уголковъ природы, теряющихся въ лѣсной глуши легендарнаго Урала.

Евгеній Козловъ.

ПОЛДЕНЬ.

Какъ знойно въ тишинѣ полдневной, тяж-
кой лѣни,

Когда слабѣетъ мысль и тѣло—не твое,

И кажется, что лучше всѣхъ стремлений

Стремленье перейти въ небытіе.

* * *

Безвольны руки взять и книгу и шитье.

Отраднѣе всего безъ умственныхъ томлений

Лежать подь тѣнью липъ, что многихъ по-

колѣнній

Видали здѣсь въ саду житье-бытье,

* * *

И еле чувствовать, усиьемъ смутнымъ уха,

Какъ о стекло окна толкнулась гдѣ-то муха,

какъ въ густой листьвѣ гудятъ жучки,

* * *

А пріоткрывъ глаза замѣтить, что у кошки

Крадущейся за пищей по дорожкѣ,

Совсѣмъ, какъ шелки, узкіе зрачки.

Татіана Б.

ВЪ ЭТИ ДНИ.

(Психологическій этюдъ).

Въ семьѣ о. Ивана случилось несчастье. И отца и мать оно застало, какъ всегда, врасплохъ, несмотря на то, что они ждали его давно—цѣлый мѣсяць—ждали изо дня въ день, напряженно и боясь сказать другъ другу о своихъ предположеніяхъ. Началось это съ перваго же дня, когда жизнь въ Бѣлоключевкѣ вдругъ рѣзко измѣнилась; когда изъ деревни въ деревню потянулись длинные обозы, какъ на какую-то невиданную еще конскую ярмарку, когда въ свѣтлыя іюльскія ночи далеко раздавался грохотъ мужицкой телѣги: быть можетъ это была удалъ отчаянія тѣхъ, въ душѣ которыхъ родилось предчувствіе, что въ послѣдній разъ ѣдетъ онъ родными полями. Въ деревняхъ лились слезы: плакали жены и матери, провожая своихъ въ городъ—кто знаетъ, зачѣмъ берутъ, говорятъ турокъ поднимается... Плакали днемъ и по ночамъ, когда въ избахъ до самаго разсвѣта не гасили огней, боясь темноты: вѣдь что-то случилось...

И вотъ въ эти дни блѣдный, болѣзненный Вася сдѣлался молчаливымъ, задумчивымъ и сталъ чаще избѣгать семьи, уединяясь въ своей комнатѣ за книгами, уже нѣсколько разъ прочитанными, не вдумываясь, пробѣгая страницу за страницей. Такъ шли часы. А ночью, когда отецъ и мать спали, онъ уходилъ изъ дома и долго бродилъ по улицамъ деревни, по широкой площади, уходилъ потомъ въ поле, ходилъ

до разсвѣта по высокимъ, заросшимъ травою, межникамъ. Его молодость шла скучно и однообразно, какъ весенняя хороводная пѣсня. Душа жила безплодными мечтами, и теперь все яснѣе понималъ онъ, что дни идутъ и что изъ души уходятъ молодая мечтанья, оставляя глубокую неудовлетворенность. Вася кончалъ Университетъ. Онъ учился въ годы студенческихъ волненій, но они почему-то не захватили его. Разочарованный въ личной жизни, незахваченный общественной, онъ чувствовалъ какъ все глубже и глубже его душу разъѣдаетъ странная пустота, которой онъ смутно боялся. Какъ мучительны были эти ночи, сколько сомнѣній и борьбы пережила его душа, но ясно онъ чувствовалъ одно, что въ ней родилось что-то новое, незнакомое ему. Во все хотѣлось вѣрить, все хотѣлось любить, только не было вѣры въ народъ, въ эту земляную силу, которую онъ презиралъ и которой, казалось ему, зналъ настоящую цѣну. Но въ эти дни случилось то, что въ первый разъ захватило его душу: поднимался народъ, срывалась съ земли, словно по собственному почину, эта сила, трезвая и разумная, и спокойно спѣшила туда, откуда угрожаетъ опасность родинѣ. По ночамъ съ горы онъ часто смотрѣлъ какъ внизу по подызолочной дорогѣ съ грохотомъ неслись телѣги, слушалъ веселыя пѣсни, которыхъ казалось онъ не слыхалъ раньше.

И съ каждымъ разомъ все сильнѣй билось сердце и все неотвязнѣй было желаніе закричать имъ— „подождите!“. Подсѣсть къ нимъ и вмѣстѣ мчатся туда. Но что важнѣе всего: не одна Бѣлоключевка, поднялась вся родина, изъ cadaго уголка Россіи понеслись вотъ такія же мужицкія телѣги, забились миллионы сердець, готовыхъ на всякія жертвы, что не напрасны онѣ: откуда-то издалека вѣетъ призывомъ къ чему-то большому, еще неосознанному, неуловимому, совершить которое по силамъ лишь великому народу...

Дни шли. Начиналась осень. Наступили темныя ночи, и каждую ночь шелъ дождь съ порывистымъ холоднымъ вѣтромъ. Жизнь Бѣлоключевки входила въ норму. Но Вася по прежнему былъ молчаливъ и задумчивъ. Жизнь въ семьѣ была напряженной и тяжелѣй съ каждымъ днемъ. Порывъ, родившійся въ одинокой душѣ, никогда не бываетъ бесплоднымъ: онъ смѣнился холодной мыслью, и она все властнѣй звала его душу „туда“. И отецъ, и мать сразу же замѣтили перемену въ сынѣ, но не рѣшались поговорить съ нимъ, смутная тревога мѣшала имъ говорить о немъ даже между собою. И всѣ трое жили такъ, словно каждый изъ нихъ былъ виноватъ другъ передъ другомъ. А когда были вмѣстѣ, каждый чувствовалъ больное мѣсто семьи и каждый старался обойти его пустымъ, ненужнымъ разговоромъ. Иногда по вечерамъ, когда за окномъ разыграется непогода, когда вѣтеръ со свистомъ ломился въ окно Васиной комнаты, бросая въ стекла капли дождя, ему вспомнилось дѣтство, нянины сказки въ долгіе зимніе вечера

и на душѣ тогда становилось грустно и одиноко, и въ эти минуты онъ чувствовалъ себя, такъ глубоко виноватымъ передъ своими дорогими стариками. Въ эти вечера онъ выходилъ въ кабинетъ, гдѣ отецъ сидитъ надъ книгами, а мать вяжетъ чулокъ въ старыхъ полуразвалившихся креслахъ. Тогда начинались часы проблеска: отецъ ложился на диванъ, сдѣланный собственными руками, Вася подсаживался къ нему въ ноги, а мать начинала рассказывать все объ одномъ: о Васиномъ дѣтствѣ, украдкой смахивая съ глазъ крупныя, счастливыя слезы.. И когда поздно ночью расходились спать, Вася крѣпко цѣловалъ мать, наклонялся надъ отцомъ и нѣжно цѣловалъ его длинныя черныя волосы, въ которыхъ какъ-то незамѣтно легли сѣдые пряди. Каждый уходилъ съ успокоенной и просвѣтленной душой.

День прошелъ особенно тяжело: мать видѣла наканунѣ дурной сонъ: въ отношеніяхъ отца, всегда чуткаго и нѣжнаго, за послѣдніе дни появилась тонкая, съ трудомъ скрываемая, раздражительность, а Вася еще вчера вечеромъ рѣшилъ сказать отцу о своемъ рѣшеніи ѣхать на войну и поэтому чувствовалъ себя растеряннымъ и угнетеннымъ. Съ утра легъ плотный сырой туманъ, и въ комнатахъ было мрачно и неуютно. А вечеръ былъ ясный и теплый, одинъ изъ тѣхъ, которые предвѣщали янтарную осень. Разошлись спать ранѣе обыкновеннаго. Въ кабинетѣ остался одинъ отецъ. Онъ дочитывалъ газетную статью объ операціяхъ нашей арміи въ Галиціи, когда къ нему вошелъ Вася. Отецъ бросилъ на него короткій взглядъ и когда встрѣтились ихъ глаза, на лицѣ Васи казалось дрогнулъ каждый мус-

куль и на мгновение его лицо переко-
силось странной и страшной гримасой.

— Папа, я пришел поговорить... Я
уѣзжаю... Дѣло въ томъ, что я уѣзжаю...
на войну... туда...

Вася сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.
Его голосъ слабѣлъ, душила спазма и
последнія слова онъ произнесъ еле
слышно. Онъ почувствовалъ какъ по
всему тѣлу разсыпалась мелкая неприят-
ная дрожь.

Отецъ ничего не отвѣтилъ, ниже опу-
стилъ голову и всматривался въ газет-
ныя строки, которыя неровными дорож-
ками убѣгали куда то далеко—далеко.

Вася не зналъ, что ему дѣлать. Круп-
ными неровными шагами онъ ходилъ
изъ угла въ уголъ, ни о чемъ не ду-
мая и слабѣя съ каждой секундой. Ни
тотъ, ни другой не замѣтили, какъ въ
комнату вошла мать и притихла у две-
рей. Потомъ слабо вскрикнула и пова-
лилась на полъ. Отецъ бросился къ
ней, а Вася уткнулся въ пыльную бал-
конную занавѣску и разрыдался громко,
на весь домъ.

Черезъ часъ мать лежала въ своей
комнатѣ, ослабѣвшая, съ тупой голов-
ной болью. Вася сидѣлъ на ея постели,
гладилъ и цѣловалъ ея маленькую
жесткую руку и шепталъ:

— Мама, милая, прости... прости...
Вѣдь я люблю тебя больше всего на
свѣтѣ, больше всего на свѣтѣ...

Отецъ медленно, безшумно ступая,
ходилъ по комнатѣ, и когда мать вгля-
дывалась въ его лицо, ей казалось, что
морщины лежали отчетливѣй на его
высокомъ умномъ лбѣ.

— Вася, иди спать.. И отецъ уснетъ...

Но Вася не спалъ въ ту ночь. Его
мучила нервная позѣвота, и когда ему
надоѣдало лежать, онъ подходилъ къ
окну, всматривался въ ночь и все ему

казалось странно—новымъ и незнако-
мымъ: и ночныя очертанья сосенъ, и
темный рядъ избъ, уходящій въ тем-
ноту и его маленькая комната... Потомъ
прислушивался къ говору на кухнѣ,
тамъ зажгли огонь: изъ кухонныхъ
оконъ ложилась длинная полоса свѣта...

Вася никогда не видѣлъ свою мать
такой бодрой и жизнерадостной, какой
она была на другой день. Семья почув-
ствовала облегченіе, въ нее вернулась
та радость, которой она жила еще такъ
недавно. Никогда еще не была такъ
трогательна кротость отца, и такой чут-
кой и прекрасной Васѣ казалась его
душа. И странно, Вася не чувствовалъ
себя виноватымъ передъ ними, въ его
душѣ просыпалась давно забытое чув-
ство, чувство ребенка при видѣ перваго
снѣга, первыхъ весеннихъ ручейковъ,
при ослѣпительно яркой игрѣ лучей
солнца, чувство, когда ребенку откры-
валась жизнь, невѣдомая, зовущая. Ве-
черомъ онъ много говорилъ о своей оди-
нокой душѣ, о томъ, что пережила она
въ эти дни, о своей любви къ старикамъ,
о томъ, что его не убьютъ и отомъ, какъ
прекрасна жизнь. Изъ угловъ комнаты
медленно ползли осенніе сумерки, искоро
стемнѣло. Топили печь, на противопо-
ложной стѣнѣ весело играли вспышки
огня и въ минуты молчанья отчетливо
раздавался трескъ полѣньевъ. Въ та-
кія минуты Вася склонялся надъ ма-
терью и цѣловалъ ея голову. А мать
снова говорила:

— Только чаще пиши... Береги себя...
вѣдь ты одинъ у насъ...

Собирали сына два дня. Передъ отъ-
ѣздомъ о. Иванъ служилъ напутствен-

ный молебенъ, за молебномъ тихо плакала мать, плакала старушка-кухарка, любившая кроткаго Васю, голосъ отца дрожаль и крупныя слезы сбѣгали по щекамъ на полъ. Неслышно плакаль Вася и молился о своихъ старикахъ.

На проводахъ не было никого изъ родныхъ, такъ хотѣль Вася, но зато его провожало почти все село. Мать долго плакала на его плечѣ, просила беречь свою жизнь, отецъ цѣловаль его высокій открытый лобъ, умные глаза, блѣдныя губы, и слезы отца мѣшались съ слезами сына.

Вася быстро вскочиль въ телѣжку, сняль фуражку и перекрестился. Ло-

шадя рванулись и скоро тяжелая парная телѣжка скрылась за поворотомъ.

Въ сѣрые осенніе дни, въ долгіе вечера, когда отецъ по прежнему сидеть въ кабинетѣ за книгами, а мать вяжетъ чулокъ въ старыхъ полуразвалившихся креслахъ, у каждаго неотвязно проносится мысль: живъ ли ихъ Вася, ихъ нѣжный, благородный сынъ? И часто снится матери, что Вася вернулся героемъ.

Николай Росницкій.

На переломѣ

Куда влечетъ меня невѣдомая сила,—

Зачѣмъ? не знаю я и знать я не хочу

Куда иду, что ждетъ тамъ—слава иль могила?

Служенье миру иль мечу.

...Прощай же сновъ и грезъ узоръ прельстившій душу,

Стремленія къ добру угаснувшій порывъ...

Я все, что создаваль, сознательно разрушу

И залечу въ душѣ надрывъ;

Надрывъ мучительной, беспочвенной печали

Унылой спутницы, сгубившей свѣтъ любви.

Иду къ вамъ новыя, невѣдомыя дали;

Иду къ вамъ съ пламенемъ въ груди!

Х. Бьлозеровъ.

П Ъ С Н Я.

(Разсказъ-быль).

На безграничное, изрытое снарядами поле спустилась прохладная августовская ночь. Глухой, однообразный шумъ доносился съ позицій, говорили солдаты или шумѣлъ огонь въ кострахъ— неизвѣстно-ли то. Пламя свѣтилось въ вечерней темнотѣ ярко-красными пятнами, языки его вдругъ иногда вырывались вверхъ, къ небу и бессильно падали. Тогда искры быстрымъ вѣтромъ разлетались въ воздухъ и гасли на землѣ. Вокругъ костровъ расположились группами темныя фигуры, только лица ихъ призрачно освѣщались багровымъ огнемъ. Ружья, поставленныя въ козлы, поблескивали своими металлическими частями. Солдаты переговаривались другъ съ другомъ, но настроеніе было частью взволнованное, частью грустное. На утро предстоялъ бой. Каждый, глядя на товарища, невольно думалъ, что его подвижное и живое сегодня лицо—завтра быть можетъ будетъ мертвымъ и строгимъ. Мысль переносилась и на себя самого и вставалъ жуткій вопросъ: „Буду-ли завтра живъ въ это время?“

Молодой поручикъ Тредьяковскій сидѣлъ на барабанѣ, недалеко отъ костра. Передъ нимъ лежало широкое, темное поле, надъ нимъ мрачное небо съ рваными клочьями ночныхъ облаковъ. Тредьяковскій глядѣлъ на равнину, но не равнину видѣлъ онъ. Огни рамы

стоятъ передъ глазами свѣтящимся рядомъ, а тамъ, за этими огнями, за оркестромъ, страшное чудовище — публика, отъ которой зависитъ его судьба. На сценѣ массивные покои фараонова дворца и онъ, Тредьяковскій, въ экзотическомъ костюмѣ египетскаго принца Радамеса, ждетъ своего суда передъ рампой. Призывно гремятъ въ оркестрѣ трубы, прелюдируя любовному романсу. Вотъ она, рѣшительная минута. Робкимъ отъ волненія голосомъ начинаетъ пѣвецъ выходную арію. Лется нѣжный, ласкающій голосъ, говоритъ о страстной любви и обѣщаніяхъ возлюбленной Аидѣ.

— „Милая Аида, рая создание,
Лучъ свѣтлый солнца,“

восторженно звучать влюбленные слова и кажется, что давнымъ-давно бывшая и забытая любовь поселяется въ обширномъ залѣ театра. Пѣвецъ кончилъ. Первое мгновеніе—роковое молчаніе и вдругъ сперва недовѣрчивые, а затѣмъ все болѣе шумные и, наконецъ, бурные какъ потокъ, аплодисменты. Успѣхъ обезпеченъ. Послѣ конца акта долгіе вызовы, даже цвѣты. Онъ понравился. Долго будетъ помнить, никогда не забудетъ Тредьяковскій этотъ свой дебютъ на казенной сценѣ. Онъ достигъ того, о чемъ давно мечталъ, можетъ— быть будучи еще пѣвчимъ въ церкви.

Но вѣроятно слишкомъ онъ радовался своей побѣдѣ надъ публикой. Какъ громъ грянула война и вотъ—разставанье съ родными... прощай, сѣрый Петроградъ; впереди уже что-то новое, могучее и страшное. Прощайте, блестящая рампа, суровая публика, кулисы, ставшія для него вдругъ такими близкими. Нѣсколько дней въ воинскомъ поѣздѣ, и Тредьяковскій на полѣ битвы на иной сценѣ, неизмѣримо болѣе обширной и трудной, гдѣ онъ уже не солистъ, а одинъ изъ безчисленной массы статистовъ. Но смерть еще обходить его, пули летятъ мимо, снаряды разрываются далеко.

Глубоко вздохнулъ поручикъ и стряхнувъ мечты, оглядѣлся вокругъ. Солдаты все еще лежали вокругъ костровъ, пламя все еще выбивалось кверху и разсыпало каскады искръ. Недалеко шелъ тихій разговоръ:

— Прощай, братъ, Митрій,—говорилъ молодой солдатъ, очевидно балагуръ въ родной деревнѣ, но теперь строгій и немного торжественный, — прощай.. что-то завтра? Чортъ его...

— Ну еще попрощаешься, перебилъ его пожилой, бородатый собесѣдникъ, — молодъ ты, оттого. И я бывало тоже какъ съ японцами воевалъ, тоже передъ боемъ разнюнюсь да деревню свою пойду вспоминать. А это ешто хуже, только растравляешься. Брось парень...

Тредьяковскій невольно прислушался къ этому простому разговору и въ головѣ его внезапно мелькнула мысль. Онъ всталъ съ барабана и потянулся.

— Эй, что вы братцы,—крикнулъ онъ звенящимъ голосомъ, что запечалились? Бросьте! Лучше споемте, что-нибудь...

Темныя фигуры зашевелились.

А и вѣрно, раздались заглушенные шинелями голоса, что такъ-то?

— Запѣвайте, ваше благородіе, сказалъ кто-то.

— А, ладно! Подхватывайте, ребята!

Какъ свѣтлый ангелъ взвился къ нахмуренному небу чистый, кристальный голосъ:

Было дѣло подѣ Полтавой,

Дѣло славное, друзья.

Дружно и стройно грянулъ хоръ солдатъ. Нѣкоторые поднялись со своихъ мѣстъ и подошли ближе къ поручику.

— Иахъ, славно поеть, шепталъ одинъ другому.

— Важно, соглашался тотъ, намъ не спѣть такъ.

А пѣсня лилась:

Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,

Самъ онъ пушки заряжалъ.

Спѣли про Полтаву, спѣли и еще много пѣсенъ. Наконецъ смолкли. Опять темная ночь глядитъ на спокойный лагерь, утомонились фигуры солдатъ, ползатушенные почихиваютъ костры.

— Ваше благородіе, ваше благородіе, услышалъ Тредьяковскій шепотъ за спиной.

— Что такое?

— Сдѣлайте милость, ваше благородіе, спойте романецъ какой-нибудь, все одно какой, только спойте.

— Ну, послѣдній разъ, хорошо слушайте!

Баринъ споетъ, пронесся шорохъ межъ кострами.

Поручикъ сѣлъ на барабанъ и подперевъ голову ладонью взглянулъ вверхъ, въ осеннее, безрадостное небо. Рваныя облака попрежнему неслись неизвѣстно куда и иногда на мгновение въ прорывахъ мигала робкая звѣздочка.

Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни,

прозвучали первыя слова, полнаго грусти романса несчастнаго поэта. Тихо стало въ лагерѣ.

Что день грядущій мнѣ готовить?

съ тоской и надеждой спрашивалъ пѣвецъ у холоднаго поля, которое завтра будетъ свидѣтелемъ его и многихъ смертей или можетъ быть славы. Льетса пѣсня, какъ замороженные слушаютъ ее солдаты и каждому она близка, каждый понимаетъ ее по своему. Вотъ замерла далеко послѣдняя нота. Никто не по-

шевелнулся. Но уже спокойнѣе стало и тотъ молодой солдатикъ, что недавно боялся завтрашняго дня, опасаясь нарушить благоговѣйное молчаніе, шепталъ бородатому солдату:

— А теперь, дядя, совсѣмъ другое, Ей-Богу, хоть и грустная пѣсня, а все не такъ моркотно, какъ раньше. Право слово...

Тредьяковскій сидѣлъ на барабанѣ, поднимавъ полныя слезъ глаза къ безмолвному, мрачному небу.

Георгій Сохоикій.

Безучастна, неподвижна, холодна
Въ цѣломъ мірѣ, въ цѣломъ мірѣ я одна!
Затерялися дороги и пути,
Кто укажетъ, кто расскажетъ, какъ идти?

Чья то тѣнь вдали неслышно проползла,
Закивала мнѣ косматой головой,
Темнота ее въ объятія приняла.
Одинокая стою я за стѣной.

Ни желанія, ни страсти, ни мечты
Не тревожатъ успокоенной души.
Не найти мнѣ ни дороги, ни пути.
Не придетъ никто, не скажетъ, какъ идти.

Регина З.

Жизнь высшей школы,

Общее Собрание Вологодскаго землячества при Петроградскихъ Сельскохозяйственныхъ Курсахъ.

20 Ноября состоялось общее собрание членовъ нашего маленькаго землячества. Въ порядкѣ дня обсуждались слѣдующіе вопросы:

- 1) Перевыборы предсѣдателя Правленія.
- 2) Разсмотрѣніе устава общестуденческой организаціи въ Вологдѣ.
- 3) Выборы представителя въ комиссію для оказанія помощи раненымъ воинамъ.
- 4) Выборы членовъ экстренной комисіи.
- 5) Текущія дѣла.

Это собраніе, по счету въ текущемъ учебномъ году второе, было гораздо оживленнѣе, чѣмъ первое. Особенно сильныя пренія, принявшія довольно боевой характеръ, были возбуждены принятіемъ и утвержденіемъ протокола перваго общаго собранія.

Споры возбудила слѣдующая сравнительно невинная фраза, помѣщенная въ протоколъ: „Собраніе поручило написать проектъ устава“. Бывшій предсѣдатель правленія землячества т. Воскресенскій запротестовалъ противъ этой фразы, понимаемой нѣкоторыми членами собранія въ смыслѣ „составить проектъ устава“, упирая на то, что Правленію не могли поручить составленіе Устава, ибо оно не обязано „заниматься разными проектами, такъ какъ это дѣло—дѣло каждаго члена землячества.

И вотъ, основываясь на этихъ словахъ т. Воскресенскаго, Правленіе, видимо, отождествило слово „написать“ съ словомъ „переписать“, что и было блестяще исполнено.

Правда, всякая работа, есть работа. Переписка устава тоже дѣло, и дѣло, отнявшее порядочно времени у того, кто занимался перепиской устава, но обидно то, что этотъ уставъ долженъ быть представленъ Правленіемъ нашего

землячества общему собранію членовъ Вологодской общестуденческой организаціи, къ первому же Общему Собранію, такъ какъ осенью онъ былъ предложенъ на разсмотрѣнія общихъ собраній землячества, каждаго въ отдѣльности, съ тѣмъ, что бы былъ представленъ на общее собраніе, должностующее быть во время Рождественскихъ каникулъ.

И такъ, этотъ самый уставъ и былъ только переписанъ, Протоколъ же собранія рѣшено не утверждать до опроса членовъ землячества не присутствующихъ на этомъ собраніи, но бывшихъ на предшествующихъ. Такое рѣшеніе было опротестовано особымъ мнѣніемъ.

Придя къ послѣднему рѣшенію собраніе приступило къ разсмотрѣнію вопросовъ поставленныхъ въ порядкѣ дня.

1) Предсѣдатель Правленія Землячества т. Воскресенскій мотивируетъ свой отказъ отъ предсѣдательства тѣмъ, что обязанность предсѣдателя землячества требуютъ большой затраты времени, чѣмъ онъ располагаетъ, и обязательнаго присутствія въ Петроградѣ, чего онъ при всемъ желаніи сдѣлать не можетъ, такъ какъ имѣетъ мѣсто въ провинціи и въ третьихъ, ему очень непріятно получать упреки отъ товарищей въ бездѣятельности, но онъ не можетъ посвящать столько времени, сколько на землячество было посвящаемо предсѣдателемъ правленія избранія прошлаго года и, категорически отказывается отъ предсѣдательства.

Закрытой баллотировкой, въ предсѣдатели землячества избирается товарищъ С. О. Латкинъ.

2) Ввиду того, что уставъ былъ только переписанъ, обсужденіе его было отложено до слѣдующаго собранія, причемъ Правленію было поручено написать проектъ.

3) Затѣмъ т. Воскресенскимъ было предложено приступить къ выборамъ представителя

въ комисію при С.-Хозяйственныхъ курсахъ, по оказанію помощи раненымъ воинамъ.

Относительно этого предложенія одинъ изъ членовъ собранія напомнилъ, что существуетъ постановленіе одного изъ собраній правленія прошлаго года, утвержденное общимъ собраніемъ, что веденіе внѣшнихъ сношеній и представительства возлагается на предсѣдателя землячества и, основываясь на этомъ предложеніи, былъ опрошенъ вновь избранный предсѣдатель т. Латкинъ—согласенъ ли онъ принять на себя это представительство, послѣдній согласился и собраніе приступило къ выборамъ представителей въ экспертную комисію.

Ввиду того, что новый представитель не имѣетъ возможности на рождественскихъ каникулахъ быть въ г. Вологдѣ, собраніе рѣшило выбрать въ члены комисіи уже знакомаго съ этимъ дѣломъ т. Бѣлозерова, коуорому дано право совѣщательнаго и рѣшающаго голоса и т. Меча (заочно) съ правомъ совѣщательнаго голоса.

По окончаніи выборовъ перешли къ обсужденію текущихъ дѣлъ.

1) Предложить собранію назначить срокъ уплаты членскихъ взносовъ за текущій семестръ и прекратить для неаккуратныхъ плательщиковъ выдачу книгъ изъ библіотеки землячества.

Собраніе послѣ недолгихъ преній отклонило предложеніе о прекращеніи выдачи книгъ, основываясь на неясности по этому вопросу § общаго устава и неимѣніи въ данный моментъ ни библіотечнаго устава ни протоколовъ общихъ собраній прошлаго года, находившихся на рукахъ секретаря правленія союза прошлаго академическаго года, и ушедшаго на войну.

2) Предложить т. библіотекарю вывѣсить списокъ книгъ и правила для пользованія ими

не членамъ землячества:—отложено на томъ основаніи, что книгъ, которыми имѣютъ право пользоваться не члены землячества, имѣется очень ограниченное количество, а условія пользованія ими приблизительно такія же, какъ и въ прочихъ землячествахъ, такъ что, если кому нужны какія книги, то онъ можетъ получить, пославши заявленіе библіотекарю землячества.

4) Сзывать ли до Рождества общее собраніе? Рѣшено созвать и въ непродолжительномъ времени.

Землякъ.

Надняхъ въ Царскосельскомъ землячествѣ (Петрогр. Универ.), были произведены выборы. Смѣнился весь президіумъ. Какъ на одну изъ главныхъ причинъ, мы укажемъ на теплое отношеніе верховодовъ къ нуждающемуся студенчеству.

Предсѣдат. избранъ Невѣровъ, секретаремъ—Штейнбергъ, казначеемъ—Филимоновъ; они пользуются симпатіей среди товарищей.

Какъ мы слышали, новый президіумъ намѣренъ объединить въ одно все мѣстное студенчество и призвать его къ совмѣстной дружной работѣ. Это было бы благимъ и долго жданнымъ дѣломъ.

Новый президіумъ собирается устроить концертъ въ пользу раненыхъ воиновъ, съ какой цѣлью имъ обѣщано содѣйствіе многихъ лучшихъ силъ нашей сцены.

Пожелаемъ товарищамъ полного успѣха въ своихъ начинаніяхъ.

Студентъ Яковъ К.

Отвѣтственный редакт.-издатель **Александръ Васильевъ.**

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ

журнала учащейся молодежи „Сѣверный Гусляръ“ въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

№ 3.

ПРИХОДЪ.

РАСХОДЪ.

Продано третьяго номера изъ 18.200 напечатанныхъ съ отчисленіемъ 25% въ пользу продавцовъ - студентовъ — 15,835 экз. на сумму . 1,187 р. 68 к.
 Второго номера—218 экз. на сумму 16 „ 40 „
 Перваго номера 21 экз. на сумму 1 „ 58 „
 Приторжка (нѣкоторыми лицами вмѣсто 10 коп. жертвовалось болѣе) . 187 „ 25 „
 За объявленія уплачено фирмами:
 Мертенсъ 10 „ — „
 Эсдерсъ и Схефальсъ 20 „ — „
 Отъ подписчиковъ поступило 9 „ 10 „

Уплочено:
 по счету типографіи (бумага печатаніе и пр.) 573 р. 75 к.
 Почтовые расходы 4 „ — „
 Канцелярскіе и редакціонные расходы (квартира, освѣщеніе, газеты и журналы и пр.) . 31 „ 05 „
 Гонораръ сотрудникамъ. 17 „ 39 „

Итого выручено . 1,432 р. 01 к.

Итого 626 р. 19 к.

Чистой прибыли отъ продажи 3-го номера получено **805 р. 82 к.**
 „ „ „ „ 2-хъ „ „ **1185 р. 73 к.**

Всего получено отъ продажи 3-хъ номеровъ въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ **1991 р. 55 к.**

Деньги, за исключеніемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очереднаго выпуска журнала, хранятся въ государственной сберегательной кассѣ.

Проектируется студенческая организація во главѣ съ редакціей журнала „Сѣверный Гусляръ“, которая будетъ завѣдывать распредѣленіемъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи журнала.

Товаришей, знакомыхъ съ уставомъ существующихъ организацій такого типа, Редакція проситъ принять участіе въ предстоящей работѣ.

Справки въ редакціи отъ 6—8 час. вечера ежедневно.

Редакція.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи.

Просимъ г.г. подписчиковъ деньги посылать на имя редактора А. А. Васильева.

Просятъ г.г. мѣсячныхъ подписчиковъ, озаботиться своевременнымъ возобновленіемъ подписки, дабы избѣгнуть перерыва доставки журнала.

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ

въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: Попова, Невскій 66, „Жизнь“ Петр. стор. Б. пр., д. 3, „Новый Путь“ П. С. Бол. пр. д. 1, Вольфа, Невскій 13, „Новое Время“ Невскій 40, Карбасникова, Гост. дворъ 19,

Приемъ объявленій, подписки и продажа №№ производится въ отдѣленіи конторы при типографіи, Литейный 33.